

Игорь Москвин

**УБИЙСТВО
НА ВАСИЛЬЕВСКОМ
ОСТРОВЕ**

и другие рассказы о жизни
и смерти

Игорь Москвин Убийство на Васильевском острове

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16856014

ISBN 9785447439606

Аннотация

Несколько рассказов о злодеях, преступниках и тех, кто их ловит. XIX век богат на всякие события, которые не всегда протекали обыденно, но иной раз давали пищу для слухов, разговоров и рассказов, которые и предлагаются в этой книге.

Содержание

Убийство на Васильевском острове	5
Убийство на Дровяной улице	48
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Убийство
на Васильевском острове
и другие рассказы
о жизни и смерти
Игорь Москвин**

© Игорь Москвин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убийство на Васильевском острове

Госпожа Жак, жена отставного губернского секретаря, воротилась с рынка в первом часу пополудни. Наталья Ивановна, памятуя о малых доходах, пенсия покойного мужа была столь ничтожна, что приходилось экономить на всём, в особенности на прислуге. Столица не дешёвый для проживания город, хотя сестра давно звала в уездный город Осташков Тверской губернии, где у последней был большой двухэтажный каменный дом с большим хозяйством.

Наталья Ивановна, уже было, склонилась к переезду, но сдерживали пятеро детей, пристроенных за государственный счёт в различные учебные заведения.

Сама госпожа Жак высокая стройная дама, не потерявшая былой привлекательности, имела в столице, как она выражалась, «мужчину сердца», который помогал некоторыми средствами. Не смотря на сорок два года, тёмных волос вдовы отставного губернского секретаря не коснулась ни единая седая волосинка, да и лицо дышало свежестью. Высокий лоб не портил, а добавлял привлекательности прямому носу и румяным щекам.

Корзинки с припасами отнесены на кухню.

Наталья Ивановна достала из кошелька медную монету и протянула дворнику Ивану за труды, последний, хотя в душе поморщился от такой «щедрости», но виду не подал.

– Благодарствуем, – проговорил он слегка нетрезвым голосом и ретировался.

Хозяйка тяжело вздохнула, глядя на купленные продукты, мысленно посчитала, на сколько дней хватит, ведь прокормить двух сыновей и трёх дочерей не так просто. Слава Богу, старшая Анна проходит курс обучения в гимназии госпожи Стрешневой, Елена – княгини Оболенской, младший со старшим сыном – во второй. Осталась только Мария, но это проще, чем выискивать средства для всех пятерых.

При жизни отставного губернского секретаря, хотя и было тяжело, но всё-таки иной раз и наградные перепадали, и за непорочную службу начальники изволили отмечать, да и жалование не чета пенсии, хотя и маленькое.

Наталья Ивановна не стала перебирать продукты, а прошла в дальнюю комнату. Остановилась на пороге, побледнела, как свежевыпавший снег. Начала хватать ртом воздух, словно спёрло дыхание, поднесла руки к груди. Глаза её закатились и она лишилась чувств.

Елена, средняя дочь, лежала на полу при входе. Волосы, рассыпанные вокруг головы, казались рваным нимбом, окрашенным с одной стороны тёмным пятном застывающей крови. Глаза с удивлением смотрели в светлый с прожилками трещин потолок, под приоткрытыми губами виднелась белая полоска зубов. Руки раскинуты в стороны, словно в последний, смертный миг, она хотела обнять весь мир.

Спустя некоторое время Наталья Ивановна пришла в се-

бя, но в голове продолжало шуметь, как после лишнего фужера вина. Женщина старалась не смотреть на дочь, только две слезинки пробежали по щекам. Она не стала бросаться к девушке, с первого взгляда было понятно – Елена мертва.

Шаркающей походкой, держась обеими руками за стену, госпожа Жак побрела к выходу из квартиры, чтобы позвать на помощь.

Не лестничной площадке Наталья Ивановна едва не упала, лишившись опоры – стены и двери. С верхнего этажа спускалась жилища пятой квартиры. Она в недоумении остановилась, гадая – пьяна ли госпожа Жак или нет. Хотя никогда за ней порочных склонностей не замечала.

Наталья Ивановна снова закатила глаза, но усела произнести: «Полицию!» и повторно лишилась чувств.

Жилища с пятого этажа опрометью бросилась со второго этажа вниз и позвала дворнику.

– Что там? – С неудовольствием проговорил Иван, не переставая улыбаться.

– Там, там, – женина махала рукой в сторону парадного входа.

– Извиняюсь, что там?

– Там.

– Не изволите сказать, что случилось?

– Наталья Ивановна на площадке лишилась чувств, но перед этим сказала «полицию».

– Посмотрим, – и направился в квартиру госпожи Жак,

но не прошло и полу минуты, как он выскочил из подъезда и, выпуская свистка изо рта, рысью побежал к городовому, тот оставил пост и направился в дом, чтобы согласно инструкции никого не впускать до прихода вышестоящего начальства. Ивана же направил в часть.

Участок находился на 14 линии Васильевского острова и занимал дом, снимаемый в наём у господина Миллера. Каменный в два этажа, выходивший пятью окнами на всегда пустынную линию. У дверей находился пост, прохаживался

подтянутый городской с саблей, бившей при ходьбе по голенищу сапога.

– Господин пристав в участке? – Спросил задыхающийся Иван, хоть и пробежал четверть версты, но хмеля, как не бывало. Только сейчас дворник заметил, что в руке держит метлу.

– Тебе на что знать? – Задал свой вопрос городской.

– Убийство.

– Так и убийство, – полицейский даже не посмотрел на прибежавшего, иной раз панику наводят на пустом месте.

– У госпожи Жак, жилички нашей, дочку жизни лишили, – не унимался дворник, – лежит на полу, вокруг головы лужа крови.

– Крови... лужа?

– Истинно так, – перекрестился Иван.

– Ступай, – позволил полицейский, – Николай Палыч сегодня в присутствии.

Через несколько минут дворник стоял перед подполковником Богдановым, приставом Суворова участка. Метлу держал, словно ружьё на батальонном построении.

– Говоришь, убийство? – Пристав был почти на голову выше дворника. Колючим взглядом сверлил Ивана, пронёсшего не очень приятную весть.

– Так точно, ваше благородие.

– Сразу определил, что девица мертва?

– Так точно.

– Каким образом? Ты ж не врач?

– Насмотрелся, ваше благородие, мёртвых в Крымскую кампанию, на последний год службы пришлось, даже медаль... – начал дворник.

– О службе потом, – вызвал звонком дежурного полицейского, – срочно посыльного в сыскное отделение, хотя, – на миг задумался, – не надо. Сперва я проверю.

– Извозчика? – Поинтересовался дежурный.

– Нет, здесь рядом.

На площадке перед дверью в квартиру стоял городской, который при появлении пристава, отрапортовал, что никто не приходил и хозяйку госпожу Жак он не пустил, чтобы не наследила.

– Молодец, – только и сказал Николай Павлович, проходя в квартиру.

Окинул взглядом первую комнату, мельком вторую, а вот на пороге третьей остановился. Хотел, было, наклониться к девице, но и так понял – мертва.

Потом распорядился о направлении посыльного к судебному следователю, врачу и в столичное сыскное отделение, за которым закреплено ведения предварительного следствия по таким делам. Сам же вышел на площадку и закурил папиросу. Этого происшествия только и не хватало подполковнику на порученном участке.

Судебный следователь не заставил ждать, явился сразу же

по получении известия, что на участке совершено кровавое преступление. Сергей Карлович не выделялся умом, но мнил себя российским Видоком, способным, если не с ходу, то спустя некоторое время вывести злоумышленника на чистую воду. Он тяготился чином титулярного советника, будучи обиженным на вышестоящего начальника за то, что тот не видит выдающихся способностей судебного следователя Козлова.

– Где убиенная? – Спросил Сергей Карлович, а уж потом поздоровался с приставом.

– Здравия желаю, – поднёс руку подполковник к околышу фуражки и только после этого пожал протянутую руку. Пристав не очень жаловал заносчивого следователя, считая последнего не достаточно сообразительным для ведения расследования, да и не очень умным. Приходилось терпеть.

– Значит, убийство, – то ли спросил, то ли утвердительно сказал Козлов.

– Увы, к несчастью для матери.

– А где сама убиенная?

– В дальней комнате. Желаете приступить к составлению акта осмотра или подождём господ из сыскной полиции?

– Сыскной, – презрительно хмыкнул Сергей Карлович, – это отделение только способна, что реляции писать, а как до настоящего расследования дело доходит, так от них толку никакого.

Пристав стоял с серьёзным лицом, хотя в душе улыбал-

ся. Год тому или менее столичная полиция раскрыли шайку воров, которые совершили по городу и окрестностям около тридцати краж. Тогда исполняющий должность начальника сыскной полиции коллежский ассесор Назоров доказывал, что преступления совершены одними и теми же людьми. Почерк был похож, но судебный следователь Козлов воспротивился и не стал помогать агентам, не только не представил ни одного документа, но и начал конфликтовать с отделением, которое показало предыдущими годами, что учреждено не ради наград, а стоять на страже закона. До сих пор противостояние так и продолжалось.

– Я хочу осмотреть место преступления без этих выскочек.

– Ваше право, – сказал, немного поколебавшись, пристав. Пусть они сами разбираются, решил он, в чём сможет, в том помощь окажет и той стороне, и другой. А встречать в конфликт ему не с руки. Они ведут следствие, но стало быть, его, Богданова, участие не забудут. Главное во время подставить грудь для награды.

Козлов остановился на пороге комнаты. Тело молодой девушки лежало, словно сломанная кукла, кровь возле головы стала тёмно-коричневой.

– Сколько ей лет?

– Пятнадцать.

Сергей Карлович покачал головой.

– Куда катится мир.

Подле тела лежали два цветочных горшка, один разбитый, второй целый.

Слева от входа у стены стоял комод, книжный шкаф со стеклянными дверцами, напротив двери стол и справа кровать, застеленная тёмного цвета покрывалом и тремя подушками, уложенными друг на друга.

– Вы врача вызвали? – Обратился Козлов к приставу.

– Непременно, – Богданов снял фуражку и перекрестился, – должен по времени уже прибыть.

Сергей Карлович прошёл по комнате, остановился у комода, ящики которого были слегка выдвинуты.

– Ну, сей случай понятен, – тоном знатока произнёс он.

– И вы готовы назвать имя убийцы? – В голосе Богданова слышалась скрытая ирония.

– После разговора с матерью убитой, – сделал театральную паузу, недавно смотрел судебный следователь в Александринском театре новомодную пьеску, где главный герой глубокомысленно молчал и начинал отвечать или подавать реплики после некоторого молчания, вот и Козлову так понравилась это, что он решил иногда прибегать к такому действию. Вот сейчас, ему показалось, стоит прибегнуть и блеснуть таким глубокомыслием, – я смогу назвать убийцу.

– Даже так?

– Именно, я не удивлюсь, если из комода похищена крупная сумма денег или золотые украшения.

– По поводу украшений я сомневаюсь, – не утерпел пристав, – судя по обстановке хозяйка – вдова и едва сводит концы с концами.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Козлов, – но всё равно я утверждаю, что из этого, – он указал рукой, – комода что-то похищено и это явилось причиной смерти.

– Видимо, вы правы.

– Ваше благородие, – раздался позади пристава голос, подполковник Богданов обернулся.

– В чём дело? – Бросил он раздражённо, общение с судебным следователем всегда влияло на него угнетающе.

– Надворный советник Фурсов, – начал, было, полицейский.

– Какой там Фурсов, – глаза пристава горели от негодования.

– Господин Фурсов из сыскного отделения.

– Пропусти, – голос Николая Павловича потеплел. Пусть эти двое разбираются друг с другом, а я, пристав Богданов, постою в сторонке и понаблюдаю за петушиным боем.

– Как всегда к шапочному разбору, – кисло улыбнулся Козлов, – без них бы обошлись.

Пристав промолчал.

Сыскной агент Фурсов оказался мужчиной лет сорока, кроткой и благовидной наружности, не вязавшейся с родом занятий.

Василий Васильевич, памятуя о неприязни судебного сле-

дователя к сыскному отделению, вежливо с благодушной улыбкой поздоровался.

– Зря только проехались, – хотя и с доброжелательным выражением на лице, сказал Козлов, но крайне раздражённым тоном, – дело почти раскрыто.

– Значит, в нашей помощи вы не нуждаетесь?

– Отнюдь, – поспешил с ответом Сергей Карлович, не хотелось обострять и без того плохие отношения, – возможно наши выводы сойдутся, а возможно и нет.

– Благодарю, – вежливо сказал Василий Васильевич, – вы позволите осмотреть место преступления?

– Да, конечно, я уже кончил, теперь дело за вами.

Фурсов кивнул головой, но судебный следователь уже направился к выходу.

– Моя помощь вам нужна? – Раздался голос пристава.

– Конечно, но только после осмотра и составления акта.

– Хорошо.

Богданов со стороны смотрел на действия надворного советника, как последний, сперва, осмотрел убитую. Диктовал сопровождающему помощнику, в каком положении лежит труп, видимые нанесённые раны, одежду, потом, что находится рядом и только затем перешёл к описанию комнаты, предметов мебели.

Пристав с удовольствием отмечал, что сыскной агент не упустил ни одной мало-мальски значительной детали.

Козлов направился к госпоже Жак, находящейся в первой жилой комнате квартиры.

Слёзы только перестали течь из глаз, но Наталья Ивановна не убирала руки с платком от лица.

– Бедная Елена, – шептала она, – бедная Елена.

– Госпожа Жак, – слегка раздражённым тоном произнёс судебный следователь, – я понимаю, что вы расстроены....

– Расстроена? – удивлённый взгляд женщины был красноречивее слов. – Да я убита смертью моего ребёнка.

– Гм, позвольте задать несколько вопросов, – и торопливо добавил, – которые позволят разыскать убийцу?

– Задавайте, – почти обречённым голосом сказала Наталья Ивановна.

– Скажите, у вас в квартире хранились какие —либо деньги и ценности?

– Да, в той комнате, где Елена, – поднесла платок к глазам, – я хранила все свои сбережения.

– И велика сумма?

– Около трёх тысяч.

– А ценности?

– Таковых не имею, но если только несколько дешёвых колец, цепочек.

– Кто знал о том, что в той комнате, а где они хранились?

– В верхнем ящике комода.

– Понятно, так кто знал о деньгах?

– Только я и дети, может быть, жених моей старшей до-

чери.

– Как зовут жениха?

– Александр.

– Где он проживает?

– В Кронштадте.

– Не скажите его полное имя?

– Александр Иосифович Петров.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Сегодня?

– Именно, он ночевал у нас.

– Так, так, – загорелись глаза у судебного следователя, – значит, сегодня. Скажите, когда он ушёл?

– Около восьми часов.

– Так, он обладает средствами?

– Его отец владелец кожевенного завода.

– Хорошо. Так вы говорите, более никто не знал о деньгах?

– Никто.

Дворник не только протрезвел, но и выглядел крайне испуганным. Глаза навыкате, бородёнка трясётся, словно не безымянный злоумышленник совершил преступление, а именно, он, Иван, уроженец нижегородской губернии.

– Так, голубчик, – судебный следователь постукивал перчатками, которые держал в руке, о ладонь другой, тем самым нагоняя нешуточного страха. – Что ты можешь сказать о се-

мействе Жак?

– Только хорошее.

– Болван, о хорошем я и так узнать могу. Ты мне всю правду.

– Какую правду? – Насторожился дворник. – Ничего дурного сказать не могу. В доме живут, почитайте, годков с двадцать, на моих глазах их ребятишки народились...

– Кого их?

– Натальи Ивановны и ПетраИваныча, тот при комитете каком—то служили. Вот при каком, врать не буду, запомнил.

– И что Пётр Иванович?

– Так оне, как три года померли, с тех пор барыня ни дня покою не ведаёт, всё-таки пятеро на руках остались.

– Об этом потом, – отмахнулся Козлов, – ты мне, голубчик, скажи, сегодня что ты видел подозрительного в доме и дворе?

– Дак всё, как обычно. Разошлись, кто куда, кто на службу, кто в гимназию.

– Ты мне про Жаков говори? Кто, куда?

– Дак, кто их знает.

– Послу ухода этой, Натальи Ивановны кто-нибудь к ним приходил?

Дворник сжал губы и наклонил к левому плечу голову.

– После того, как Наталья Ивановна ушла на рынок, вернулась её дочь, ну так которую мёртвой нашли, после неё

вернулся барин...

– Какой барин? – Насторожился судебный следователь.

– Да Александр, жених старшей дочери.

– Так, так, во сколько он пришёл назад

– Не знаю, – покачал головой Иван, – часов не имею.

– Он пришёл после Елены?

– Точно так, я ещё мёл вот там, потом... Не знаю, ваше благородие.

– Ты видел, как он уходил?

– Видел, – начал припоминать Иван, – так он бежал, как угорелый. Лицо красное, глаза навывкате.

– Точно помнишь?

– Неужели он? – Высказал предположение Иван.

– Только молчок мне, иначе в холодную посажу.

– Да я что, ваше благородие...

– Скажи, в чём он был одет и не мог ты его с кем спутать?

– Нет, – спокойное лицо смотрело на Козлова, только глаз подёргивался.

– Я ж его не в первый раз вижу. В тёмном пальто, шляпе, во, – дворник ещё более оживился, – в дом шёл в шляпе, а назад – без.

– Ты это, наверняка, заметил?

– А то.

– Так что рот на замок и смотри у меня, – погрозил пальцем.

Судебный следователь вернулся в квартиру, чувства переполняли его. Так уж хотелось поставить сыскное отделение, а здесь такой случай. Не успели эти, Козлов презрительно фыркнул, приехать, а у него и убийца под замком сидит. От удовольствия даже руки потёр.

Посмотрел на сысчного агента, который диктовал акт осмотра места происшествия. Беспольный ныне труд, хотел, было, сказать, но сдержался. Подошёл к приставу.

– Николай Павлович, можно вас на минутку.

Следователь с идущим за ним подполковником вышли в переднюю.

– Николай Павлович, – тихим голосом говорил Козлов, почти прислонивши губы к уху Богданова, – надо срочно принять меры к задержанию Александра Иосифовича Петрова, жениха старшей дочери госпожи Жак.

– Я не понимаю...

– Поверьте, это очень важно для расследования.

– Куда его привести? К вам или в участок?

– Участок, – поосторожничал судебный следователь. Если Петров – убийца, то все лавры его, судебного следователя Козлова, ведь это он распорядился задержать молодого человека. Если же арестованный не причастен, то можно и отговориться от него.

– В каком качестве привести Петрова?

– Попавшего под подозрение, – сам же вернулся в комнату, где лежала убитая, поднял шляпу, брошенную на пол.

– Господин Козлов, – раздался тихий, но властный голос сыскного агента, – здесь место преступления и я попрошу здесь ничего не трогать до особого распоряжения.

Сергей Карлович залился краской.

– Здесь я распоряжаюсь, как вести следствие.

– Верно, но я не хотел думать, что вами руководствуется желание чинить препятствия следствию.

– Отнюдь, но мне сейчас нужна эта шляпа.

– Она будет, сперва, предъявлена хозяйке.

– Вот этим я и займусь.

Сыскной агент промолчал.

– Вам знакома эта шляпа? – Предъявил головной убор вдове.

– Да.

– Чья она?

– Саши, то есть Александра Иосифовича.

– Жениха вашей дочери?

– Совершенно верно. Почему вы им интересуетесь?

– Мы обязаны проверять всех бывающих в вашем доме.

Доктор посмотрел на убитую, склонился, приоткрыл веко, осмотрел рану.

– Убита тупым предметом, – увидев жест Фурсова, указывающего на цветочный горшок, – вполне допускаю.

– В котором часу?

– Вы, батенька, хотите, чтобы я вам и убийцу предоставил. Так вот, конечно, точнее скажу после вскрытия, а сейчас, – доктор опять посмотрел на разбитую голову девушки, – от восьми до десяти.

– Значит, от восьми до десяти..

– Точнее скажу после вскрытия, – напомнил доктор.

– Благодарю.

Александра Петрова привезли в участок через три часа. Он не пытался скрыться, был только сильно испуган, стал блее мелованной бумаги и начал заикаться.

– Меня в участок? По какой причине?

– Господин Петров, я не уполномочен вам отвечать, всё разъясниться на месте.

– Я буду жаловаться на ваше самоуправство.

– Ваше право, – спокойно сказал один из двух полицейских, поручение пристава выполнено.

Прибыв в участок и отправив Петрова в допросную камеру, Александр, поправляя засаленные волосы, попросил принести стакан воды, что было исполнено.

Спустя половину часа прибыл судебный следователь, пребывавший в крайне благодушном состоянии. Он с интересом посмотрел на долговязую фигуру жениха старшей дочери госпожи Жак. С первого взгляда Александр не понравился Козлову. Блѣклые бегающие глаза, соломенные волосы по новой моде падали стручками на плечи, тонкие болезнен-

ные губы и дёргающиеся руки с длинными пальцами, живущими сами по себе и не находящие покоя.

Сергей Карлович сел напротив арестованного, пристально смотрел на Петрова, словно пытался проникнуть в мысли последнего. Потом обратил лицо к писарю и сказал:

– Начнём.

Поначалу шли обычные вопросы об имени, фамилии, вероисповедании, полных летах. Обычное заполнение пунктов, предусмотренных законов в данной ситуации.

– Могу я вас называть Александром Иосифовичем?

– Не смею возражать?

– Отчего? – Лоб у Козлова наморщился, а лицо приобрело удивлённое выражение.

– Здесь вы – хозяин, – коротко ответил Петров и выпил содержимое стакана одним глотком.

– Возможно, вы и правы, но хорошо, – глаза судебного следователя стали в миг колючими и безжизненными, он уже вынес приговор арестованному, – вы не имеете намерения что-либо сообщить следствию или заявить?

Петров с минуту подумал и покачал головой, мол, нет.

– Хорошо, – Козлов барабанил пальцами по металлической столешнице.

– Где вы провели прошедшую ночь?

– У госпожи Жак.

– У госпожи Жак?

– Вы не так поняли, – Александр смутился, и на щеках

проступили красные пятна, – дочь госпожи Жак Анна – моя невеста и иногда мне Наталья Ивановна предоставляет комнату, чтобы я ночью не возвращался домой.

– Где вы проживаете?

– Я же говорил.

– Ах да, в Кронштадте. Извините, но мои мысли заняты иным.

– Ничего, я понимаю у вас много забот.

– Вы правильно подметили, много забот, – хотел добавить, одна из них вы, но сдержался. – Так как вы говорите, провели сегодняшнее утро?

– Я ничего такого не говорил, – быстро, слишком быстро ответил, голубчик, губы Козлова озарила улыбка. – Так расскажите.

– Как обычно, – медленно говорил Петров, подбирая каждое слово.

– Так расскажите.

– Вы поясните. Почему меня задержали, а уж потом, я подумаю, отвечать вам или нет.

– Александр Иосифович, давайте с вами условимся. Здесь, в этом заведении, имею право задавать вопросы только я, а на вас лежит святая обязанность – на них честно и без утайки отвечать.

– Я что-то утаил?

– Пока нет.

Это «пока» резануло слух арестованному, и он поморщил-

ся.

– Почему вы считаете, что я должен что-то скрывать?

– Александр Иосифович, извините. Но я отвечу на ваши вопросы лишь тогда, когда сочту нужным.

– Тогда я буду молчать.

– Ваше право.

– Именно, что моё.

– Но я не советую вам этого делать. Но хватит, мы и так отвлеклись. Так что вы делали сегодняшним утром.

– Всё, как обычно.

– И как бывает обычно?

– Поднялся, откушал чаю и отправился на отеческий завод.

– С завода вы более не отлучались?

Петров насторожился, но сразу же ответил.

– Нет, не отлучался.

– А вот дворник Иван утверждает обратное?

– Дворник – дурак и в постоянном подпитии, так что ему могло многое померещиться.

– Возможно, но как вы объясните, что уходили вы в шляпе, – потом себя поправил, – куда вы её дели?

– Наверное, когда приехали ваши подчинённые, то ли в спешке, то ли от испуга забыл.

– Чего вы испугались?

– Приходят двое при оружии и забирают в участок. У кого хочешь, воображение разыграется.

– Но как вы поясните, что ваша шляпа с вашим именем, – Козлов указал на внутреннюю часть, – оказалась в квартире госпожи Жак после вашего ухода?

Александр тяжело задышал.

– Позовите моего отца.

И более ни на один вопрос не ответил.

– Наталья Ивановна, моя фамилия Фурсов, зовут Василий Васильевич, служу в сыскной полиции, вы простите меня за столь дерзкое обращение, но мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Можете, хотя бы в такой день оставить меня в покоя, – глаза не потеряли красноты, но более слёзы не катились по щекам.

– Извините, но для поиска преступника мне всё—таки придётся задать вам несколько вопросов.

– Сколько можно, – раздражённо сказала женщина, – я же с пол часа тому разговаривала с таким длинным, – хотела сказать неприятным, но сдержалась, – полицейским.

– Вы разговаривали с судебным следователем....

– Какая разница, – ещё больше распалилась госпожа Жак, – я всё ему сказала.

– Но мне всё—таки придётся побеспокоить вас, – настаивал Фурсов.

– От вас, видимо, не так просто избавиться.

– Наталья Ивановна, ваша дочь всегда оставалась дома од-

на?

– Нет.

– Почему сегодня она осталась в квартире?

– Не знаю, – и пояснила, – мои дети учатся за... – она смутилась, – поэтому сыновья рано уходят в учебные заведения, а Анна и Елена проживают при гимназиях, дома бывают только по воскресеньям и неприсутственным дням.

– А сегодня?

– Было, как обычно. Дети и Александр, – при упоминании последнего глаза Фурсова блеснули, – ушли, вслед за ними на рынок за продуктами направилась и я.

– Значит, дома Елены быть не должно?

– Об этом я и говорила, а может, и нет, тому полицейскому.

– Извините, а кто такой Александр?

– Жених моей старшей дочери.

– Он пришёл сюда утром?

– Нет, – начала пояснять женщина, – когда Александр задерживается допоздна, он ночует у нас.

– Где он проживает?

– В Кронштадте.

– У него есть ключ от вашей квартиры?

– Нет.

– Понятно. Скажите, в каком головном уборе ходит жених вашей дочери?

– В чёрной шляпе, вас тоже заинтересовала она?

– Что?

– Тот полицейский...

– Судебный следователь.

– Пусть будет судебный следователь, показывал мне шляпу Александра и интересовался ею.

– Вы узнали шляпу?

– Да, она приметная, внутри написано его имя.

– Понятно. Значит, вы не знаете, почему ваша дочь вернулась?

– Для меня это загадка.

– Скажите, у вас были деньги или драгоценности?

– В комнате, где, – в уголке глаза появилась слеза, но женщина взяла себя в руки, – там, где Елена, комод, в нём лежало около трёх тысяч в процентных бумагах и ассигнациях.

– Вы проверяли?

– Господин полицейский, у меня убили дочь, а вы спрашиваете о каких-то деньгах.

– Простите, но чтобы найти убийцу, мне необходимо знать обо всём и в том числе, как не печально, и о деньгах.

– Я понимаю, ещё ваш полицейский спрашивал, бывали ли у нас в доме посторонние, я заявляю и вам, что нет, не бывали.

– Благодарю за потраченное на меня время и извините, если мои вопросы были бестактны и принесли вам огорчения.

После разговора с судебным следователем дворник вы-

глядел успокоившимся. Махнёт метлой и смотрит на окна комнаты, где совершено убийство. Что-то помыслит, дальше шоркнет по мостовой и опять впадает в сонное состояние.

– Значит, ты и есть тот Иван, который управляется с домом и двором?

Дворник посмотрел на подошедшего господина, но ничего не ответил, словно ждал, когда тот продолжит, но подошедший молчал, только внимательным взглядом изучал Ивана.

– Я и есть, – наконец сказал Иван.

– Надворный советник Фурсов из сыскной полиции.

Дворник слегка наклонился вперёд, тем самым показывая, что внимательно слушает.

– Час тому или более с тобой разговаривал судебный следователь?

Иван только заморгал глазами, но ничего не ответил.

– О чём шла беседа?

– Да я...

– Понятно, – усмехнулся сыскной агент, застращав дворника Козлов. – Хорошо, скажи, ты метёшь с самого утра?

– Так точно, – повеселел Иван.

– И вероятно подметил, когда семейство Жак покинуло дом?

– Ну, за ними я не наблюдал, но, как и кожный день.

– И...

– Первым ушёл господин Петров, жених старшей дочери

Анны, — пояснил он.

— Он в шляпе был?

— А как же, — удивился дворник, — потом сыновья, у госпожи Жак их двое, Елена, та, которую нашли убиенной, Анна и Мария. Потом и сама Наталья Ивановна.

— Не мог спутать?

— Нет, так и было.

— Кто из них возвращался назад?

— Да, сперва, Елена, а потом и господин Петров.

— Спустя какое время и во сколько это было?

— Не могу знать, часов не имею, — улыбнулся щербатым ртом дворник.

— Что было потом?

— Выскочил господин Петров, словно за ним черти гнались, и сразу на улицу.

— Когда?

— Так не успел войти, как сразу выскочил.

— В шляпе?

— Ваше благородие, не припомню.

— Посторонние приходили?

— Я бы видел, двор поручен мне, точно скажу, более никого не видел.

— С чёрного входа мог кто-либо войти?

Иван помолчал, потом тихо произнёс.

— Там мог, мне ж везде не уследить.

Анна, старшая дочь Натальи Ивановны, плакала и ничего толком рассказать не могла. Больше всхлипывала. О том, почему вернулась Елена, не знала и не смогла ничего предположить.

Тело убиенной увезли ранее. Хотя было понятно, как Елена Жак приняла смерть, да и со временем более – менее ясно, но всё-таки необходимо получить акт вскрытия.

Фурсов хотел расспросить прислугу, которая пользуется чёрной лестницей, но решил сперва навестить доктора и уже потом заняться остальными вопросами.

– Не утерпели, Василий Васильевич,

– Вы...

– Управился во время.

– И каковы результаты?

– Убита она, как я и говорил, ударом тупого предмета по голове, а если точнее, то в висок. Смерть наступила мгновенно, бедняжка не почувствовала ничего, особенно боли.

– Скажите, как нанесён удар, сверху вниз, сбоку?

– Вы хотите узнать, какого роста убийца?

– Именно.

– Приблизительно её роста.

– Что-нибудь ещё?

– Есть и ещё.

– Не томите.

– Наша девица, скажите, сколько ей лет? Ах да, пятнадцать. Так вот она не была девицей.

– Как? – Изумился сыскной агент.

– У нашей девицы, не скажу точно, но с полгода имелся любовник.

– Любовник? – Фурсов был изумлён.

– Вот именно, любовник.

– Вы меня удивили.

– Это не я, Василий Васильевич, а наша с вами девица, тем более, что она на сносях.

– Как?

– Василий Васильевич, вы меня удивляете, у вас есть дети?

– Есть.

– Так вот, не святым же духом они были занесены в лоно вашей жены.

Новость оказалась довольно любопытной, хотя, может быть, и не имеющей к преступлению никакого отношения. Но стоит проверить.

Фурсов усмехнулся, мысль пришла неожиданно, и сразу стало всё по местам. Как всё просто, подумал Василий Васильевич, главное идти в ту сторону и не позволять чётко складывающейся теории превалировать над правдой.

«Если Елена обучалась в гимназии княгини Оболенской, то как могла среди недели сбегать на встречи со своим любовником? Отсюда следует, что необходимо навестить данное Богоугодное учреждение. Но нет полной уверенности, что заведующий господин или госпожа, как их там, позволят

побывать в комнате воспитанницы, а там могут быть, письма, записки и иные свидетельства знакомства или соблазна. В обычае девиц писать события и переживания в дневнике, который они ведут для души. Попытаться можно», – успокаивал себя Фурсов, но оказался прав. Господин Герд, принявший в своё заведывание женскую гимназию, наотрез отказался пускать сыскного агента:

– Вы думаете только о сиюминутном, – горячился Александр Яковлевич, – но не думаете, какое окажет влияние ваш визит на воспитанниц. Когда полицейский соизволит рыться в их вещах. Уму непостижимо, господин полицейский.

– Простите, господин Герд, но убита ваша воспитанница, которая на момент убийства оказалась не в вашем заведении, а совсем в другом месте. Как вы объясните сей факт?

– Позвольте мне разобраться в данной ситуации и вам проинформировать, почему, как и зачем. А посему попрошу вас покинуть моё заведение.

Не всегда жизнь преподносит только сладкие коврижки, но иной раз приходится терпеть уничижительные выходы господ, показывающих, что они стоят на страже морали и нравственности. О беременности воспитанницы Фурсов не стал говорить. Гимназия стоит на первом месте в империи по выпуску образованных девиц, которых начали готовить к поступлению в высшие учебные заведения, недавно открытые для продолжения учения женского пола. Теперь остаётся идти далее, хотя...

В участке подполковник Богданов по секрету от судебного следователя сообщил, что Александр Петров почти с полудня сидит в одиночной камере. Постоянно нервно ходит, но разговаривать более не хочет.

– С ним говорил Козлов?

– Вот после их разговора молодой человек замкнулся в себе и не хочет больше ни кого видеть.

– Могу я с ним поговорить?

– Но Сергей Карлович?

– Николай Павлович, я же прошу не для собственного удовольствия, а для продолжения следствия.

– Я понимаю, – пристав задумался, – Василий Васильевич, а что там, всё равно Козлов... Идите в допросную камеру.

Петров вошёл первым. Осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами, ввалившиеся щёки, словно не полдня прошло, а несколько суток.

– Садитесь, Александр, – сыскной агент указал рукой на табурет, – вы не будете против, если я вас буду звать просто Александром?

– Ваше право, – удручённо произнёс Петров.

– Скажите, вы часто бываете у Натальи Ивановны?

– Можно сказать, нечасто.

– Сегодняшней ночью вы находились в её квартире?

– Находился.

– В котором часу вы ушли утром?

– В восьмом.

– Почему вы вернулись в квартиру?

Петров обречённо посмотрел на Фурсова и ничего не сказал.

– Хорошо, скажите, каким ключом вы открыли дверь?

– У меня нет ключа, Елена оставляла дверь открытой.

– Вы знали, что Елена беременна?

– Что? – В глазах Александра читался страх и боль, сыскной агент не мог понять, чего больше.

– Елена была беременна.

Александр закрыл лицо руками.

– Это вы её соблазнили?

– Мы любили друг друга.

– А как же ваша невеста Анна?

– Это только повод посещать семейство Жак.

Фурсов тяжело вздохнул.

– Мне вас жаль.

– Отчего?

– Вы сами загнали себя в тупик. Вы забыли шляпу на месте преступления, дворник видел, как вы пришли и потом убегали.

– Но я...

– Знаю, – Фурсов ходил по камере, заложив руки за спину, – я знаю, что вы не убивали, но судебный следователь уверен, что поймал убийцу, тем более, всё против вас, даже

беременность Елены, это и станет основным мотивом убийства.

– Почему?

– Господин Козлов представит это так, что вы, узнав о беременности любовницы, решили избавиться от неё, поэтому вызвали на квартиру и под видом ограбления убили девушку.

– Но я готов взять Елену в жёны, я её не убивал, – потом плечи поникли, – я не убивал, когда я зашёл в квартиру, она уже была мертва, именно, поэтому я сбежал.

– Оставим, – перебил Петрова сыскной агент, – когда вы зашли в квартиру госпожи Жак, никого не встретили?

– Нет, – покачал головой Александр.

– Может быть, что—то вас привлекло или насторожило?

– Постойте, а ведь верно, – поднял голову задержанный, – тогда мне показалось, что кроме Елены в квартире ещё кто-то есть на кухне. Я испугался, что это Наталья Ивановна, но потом успокоился, ведь я видел, как она ушла.

– Значит, на кухне кто-то был?

– Да.

– Почему этим человеком не могла быть Елена?

– Нет, она всегда меня ждала в комнате.

– Понятно, – Фурсов на миг задумался, хотел, было, что—то спросить, но дверь в камеру распахнулась и на пороге возникла фигура судебного следователя Козлова. Глаз его дёргался, рот скривился, для крика не хватало воздуха. Из губ

только вырывался хрип.

– Я вас, господин Петров, понял и более вопросов не имею, – потом сыскной агент посмотрел на Козлова, – задержанный в вашем полном распоряжении, – и вышел из камеры, протиснувшись мимо Сергея Карловича, готового к словесной перепалке.

Первым делом следовало вернуться на место убийства, расспросить прислугу, пользуясь чёрной лестницей. Совершенно преступление не слишком рано, поэтому кто

—то мог видеть, тем более, что семейство Жак проживает на четвёртом этаже, а значит, преступник, нарвавшийся на свидетельницу, которой не должно быть дома, наверняка, запаниковал и рванул, как заяц, а значит, не соблюдал осторожности. Но это в случае, если проникший в дом, испугался содеянного, а если спускался по лестнице, как на прогулке, зная, что нельзя привлекать внимания.

Но всё равно стоило проверить.

Кухарка с первого этажа и горничная с третьего, в самом деле, слышали тяжёлые шаги на лестнице в предполагаемое время убийства, но распознать один бежал или двое, сказать точно не могли. Отговаривались тем, что незачем им за жильцами следить. К одной привезли продукты, так она занята была разговором с доставщиком, вторая, смущаясь, призналась, что вышла в нужник, который располагался между третьим и вторым этажами, но слышала, кроме шагов чей-то голос на втором этаже, возможно, Николая, прислуживающего хозяевам на втором этаже.

– Пробежали двое, – сказал Николай, – только вышел и со спины их видел.

– Как они выглядели запомнил?

– Обыкновенно, – пожал плечами слуга.

– Обыкновенные, это какие?

– Молодые совсем.

– Лет-то по сколько?

– Так откуда мне знать? Я ж им в лицо не заглядывал.

– Узнал бы?

– Во, – обрадовано сказал Николай, – я ж тогда подумал, чего ж это сынок барыни с четвёртого этажа тут бегают.

– Это какой барыни?

– Так у той, что дочь убили.

– Натальи Ивановны?

– Так.

– Ты не путаешь?

– А чего мне путать?

– Сам говоришь, что видел со спины?

– Так я Степана часто вижу, вот и узнал.

– Во что он был одет?

– В гимназическую форму.

– В такой форме многие ходят?

– Нет, видел я Степана.

– Хорошо, а второй?

– Второго я не спознал.

– Может, когда приходил в дом?

– Не припомню.

– И куда они побежали?

– Вот это не могу знать, внизу хлопнула дверь, а куда далее они побежали, не могу знать.

– Значит, видел Степана?

– Точно его.

Картина прояснялась, но дикой была сама мысль, что к смерти сестры причастен родной брат. Может быть, Николай обознался и видел совсем другого человека? Хотя как может посторонний человек узнать о том, что у бедной вдовы имеется небольшой запас денег? Притом надо знать, где они хранятся.

Степан проходил курс обучения в реальном училище. Фурсов, памятуя о неудачном визите в заведении княгини Оболенской. Теперь Василий Васильевич разузнал от воспитателей, с кем был наиболее дружен Степан Жак, какого поведения и нрава сей молодой человек. Потом пришлось проявить актёрское мастерство, и уже от приятелей услышал, что оказывается их сотоварищ не только заносчив и спесив, но и малолетний жуир, готовящий себя к беззаботной жизни. По секрету поведали, что Степан недели две тому проиграл в карты крупную сумму денег, но так хорохорился, что без труда расплатиться.

– И что расплатился?

– Кто его знает? Сегодня разговора не было.

– Чьим должником стал Степан?

– Сашка Иевлев из старшего класса.

– Из старшего?

– Да, Степану льстит знакомство с учениками старших классов.

– Что представляет из себя этот Иевлев?

– Скажу только одно, ему нравится окружать себя такими,

как Степан.

Фурсов, идя в сыскное, размышлял, кому из двоих, появившихся в следствии фактически подозреваемых, отдать предпочтение. Каждый из них имел свои преимущества. Степан, вроде бы близкий родственник, но сколько раз сталкивались, ведя расследование, что отец убивает сына, дочь травит мать, внук деда. Он должен объяснить, что делал в квартире в минуту убийства? Почему убежал? И кто был его спутник?

Василий Васильевич остановился посредине улицы и направился на Васильевский, чтобы там переговорить, пока не допросить, а именно, переговорить с братом убитой. Хотя мог бы задержать, как подозреваемого, показаний хватало, но что-то не сходилось, а в голове настойчиво крутится «брат-убийца».

Степан оказался невысоким юношей шестнадцати годков с крепкой, не по летам, фигурой, большими руками и хмурым выражением лица, словно надел маску, только глаза выдавали живого человека.

– Степан? – То ли вопрос, то ли утверждение.

– Да, меня зовут Степан, с кем имею дело?

– Надворный советник Фурсов, чиновник по поручениям при сыскной полиции. – представился Василий Васильевич. Брат убитой вздрогнул и втянул голову в плечи, сжав до белизны губы. – У меня есть несколько вопросов.

– Я слушаю, – голос звучал глухо и настороженно.

– Мне искренне жаль, что вас постигло неожиданное горе, но приходится забыть об учтивости и доставить вам несколько неприятных минут.

– Неприятных? – Зло спросил юноша.

– Мне приходится задавать одни и те же вопросы...

– Да спрашивайте, наконец, – вспыхнул Степан.

– Что вы делали и где были сегодня утром?

– В гимназии, – быстро ответил побледневший брат убитой.

– К сожалению, меня там уверили, что Степана Петровича Жака до полудня никто не видел, за что он понесёт наказание.

– Я...

– Тем более, что есть свидетели, которые видели Степана Петровича Жака на чёрной лестнице, где проживает его мать Наталья Ивановна. Не поясните, господин Жак, сей факт? – Голос Фурсова звучал с металлическими нотками, указывающими, что чиновник по поручениям сысской полиции не потерпит никакой лжи.

Степан, словно проколотый воздушный шарик, обмяк, не зная куда деть непослушные руки.

– Когда мы, – начал он.

– С Иевлевым?

– Вы и это знаете?

– Продолжай.

– Когда мы вошли в комнату, Елена была мертва.

– Почему ты пришёл в квартиру?

– Чтобы взять денег и отдать долг чести.

При последнем слове Василий Васильевич криво улыбнулся.

– Долг чести?

– Я – дворянин и должен...

– Далее.

– Я хотел взять из хранящихся денег сто рублей, именно поэтому сбежал из учебного заведения.

– Долг Иевлеву?

– Да.

– Что было дальше?

– Увидели Елену в крови, испугались, тем более открылась входная дверь, мы через чёрную лестницу сбежали. Вот и всё?

– Пришли в квартиру каким путём?

– Тоже через чёрную.

– Никого там постороннего не встретили?

Степан покачал головой.

– Может быть, слышал шум, шаги?

– Нет, ничего.

– Так, Степан Петрович, вы говорите правду?

– Слово дворянина, – высокопарно произнёс юноша.

– Почему я должен, собственно, вам верить? – Рассуждал вслух сыскной агент, обращаясь то ли к себе, то ли Жаку, –

может быть, это вы убили сестру, чтобы, как вы выражаетесь, сохранить честь дворянина?

– Я... вы... да я... вы всё неправильно... я никогда... – и заплакал.

– Если хочешь, – Фурсов процедил сквозь зубы, более не церемонясь с юношей, – чтобы настоящий убийца был пойман, вспоминай всё, даже самую малость. Что говорила тебе Елена, чем делилась, что её заботило? Всё, что ты в состоянии вспомнить.

Степан молчал, вздрагивали только плечи.

Иевлев подтвердил показания приятеля, и у Фурсова сложилось впечатление, что они не сговорились, а рассказывали правдивую историю. И снова Василий Васильевич находился в исходной точке, с которой начал расследование. Петров, хотя и подлец, совративший девушку, но в смерти Елены не виновен. Слова и дворника, и сына Натальи Ивановны подтверждали невиновность. Но опять встаёт вопрос – кто? Круг замкнулся, но убийца даже не объявился на горизонте.

Фурсов не был раздосадован, расследование не всегда даёт результат в первый день порой приходится ноги истоптать, кучу бумаги исписать, допросов провести великое множество, прежде чем следствие сдвинется с места.

Задремезжала некая мысль, но Василий Васильевич не сумел её схватить.

- Степан, ты сказал, что когда щёлкнул замок входной двери, вы с Иевлевым ретировались? Так?
- Так.
- Когда ты с приятелем пришёл, дверь была закрыта?
- Нет, она оказалась незапертой, и мне пришлось закрыть.
- И услышав щелчок, вы сбежали?
- Именно так.
- Вход со стороны чёрной лестницы был открыт?
- Да.
- Господин Богданов, Николай Павлович, вы проверяли, что находится в карманах Петрова?
- Да.
- Среди вещей были ключи?
- Возможно, – пожал плечами пристав, – надо посмотреть. Подполковник приказал принести изъятое при задержании у Александра. Действительно, была и связка ключей.
- У вас всё описано?
- Конечно.
- Могу ли я взять, – Фурсов подбросил в руке ключи, – это для проверки одной теории.
- Василий Васильевич, но...
- Понимаю, всё верну.
- Тогда возьмите.

Один из ключей подошёл ко входной двери госпожи Жак.

Теперь стало всё по своим местам.

– С вашего позволения, Николай Павлович, я могу ещё раз допросить Петрова.

– Допрашивайте, – усмехнулся пристав, – больше шума, чем был поднят Козловым, в прошлый раз уже не будет.

В камеру допросов ввели Александра. Теперь он выглядел не таким уставшим, на лице светилась самодовольная ухмылка, словно он свысока взирал на сыскного агента

– Как ваше самочувствие? – Спросил Фурсов.

– Вашими молитвами, – не сдержался и съязвил Петров, – как вы думаете, легко ли сидеть под замком?

– А ведь вы, Александр, едва не провели меня вокруг пальца.

– Не понимаю, – на лице задержанного появилось выражение удивления, хотя глаза смотрели холодно.

– Вас выдало это, – и сыскной агент бросил связку ключей на железный стол.

– Всё равно не понимаю

– Александр, можете отговариваться, молчать, отрицать, но я знаю, как всё было.

– И как?

– Елена всегда оставляла открытой дверь чёрного входа и вы, таясь приходили, но в этот раз вам надо было сделать всё, чтобы подозрение миновало вас. Когда вы узнали, что Елена беременна, она стала вам не интересна, поэтому вы

решили её убить. Явились тайком, совершили преступление и ретировались, а так как не имели ключей от чёрного входа, то оставили дверь открытой. Потом засветились перед дворником, но вас подвело то, что ключа от квартиры вы иметь не могли. Так, что вы не только подлец, совративший девушку, но и гнусный убийца.

Убийство на Дровяной улице

Солнце, освещая крыши домов золотистым цветом, поднялось над горизонтом. По небу лениво плыли маленькие облачка. День обещался быть тёплым.

В шестом часу пополуночи во дворе дома Грачёва по Дровяной улице стояли две женщины, одна из них держала в руках корзину, собралась на рынок за продуктами для хозяйского обеда, вторая только решала идти или нет.

– Опять Сашка пива перепил, – кивнула первая в сторону Поплавского, слуги живущего при капитане Горлове.

– Приспичит, так не такой ранний час выскочит, – желчно съязвила вторая, демонстрируя жёлтые зубы и сощуренными глазами провожая мужчину в отхожее место.

Поплавский, малый лет тридцати с соломенными прямыми волосами и заспанной физиономией, прикрыл за собою дверь, почесал под расстегнутой рубахой пятернёй грудь, окинул мутным взглядом двор и пошёл в дом.

Через некоторое время из парадных дверей вышла женщина, озираясь по сторонам и быстрым шагом удалилась по улице, свернула за ближайший угол..

Одна из женщин толкнула вторую локтем, мол, видела, опять капитан новую пассию завёл.

– Не, – возразила вторая, – я слышала помощница.

– В постельных делах.

Обе хихикнули. Первая тихо начала рассказывать некоторые подробности личной жизни Горлова.

Спустя минуту или две из открытого окна второго этажа, где находилась спальня капитана, донеслись неясные стоны.

– Слышала?

Прислушались

– Стонет кто-то?

– Послышалось, – отмахнулась первая, – нет и правда, кто—то стонет. Уж не капитан ли?

– Почему так думаешь?

– Так у него одного окно открыто.

– Надо Ефимычу сказать.

– Так позови.

Дворник отмахнулся.

– Сдурели вы, бабы, – проворчал Ефимыч, крепкий старик шестидесяти лет с крючковатой седой бородой и хмурым взглядом из—под широких бровей. Снял кепку с лысой головы и платком протёр затылок.

– Не успел день начаться, ты уж умаялся, – прошипела одна из женщин.

– Пока тут лясы точишь, из спальни Сергея Львовича стоны слышны.

– Так небось, – дворник пригладил бороду, – свою жиличку тискает.

– Охальник ты, Ефимыч. Сам седой, а туда же, – покачала головой, – иди разужнай, что в квартире деется.

– Та, – Ефимыч махнул рукой, мол, отстаньте, бабы, на-
доели, и пошёл убирать улицу, но не прошёл и трёх шагов,
как из парадного вышел капитанов вестовой Синеус, попра-
вил форменную фуражку. Сперва медленно, а потом бегом
припустил к Курляндской улице, повернул за угол.

Через минуту из спальни раздался выстрел Дворник
от неожиданности присел, посмотрел на открытое окно, по-
том побежал в подъезд.

Дверь капитановой квартиры оказалась запертой. Ефи-
мыч начал тарабанить, не заботясь о том, что может разбу-
дить соседей.

Спустя минуту замок щёлкнул и на пороге оказался Саш-
ка, в расклёстанном виде, с испугом на лице, но глаза отче-
го—то смотрели равнодушно и насторожено.

– Кто стрелял? – Только и выдавил из себя запыхавшийся
дворник, так и не приведший дыхание в норму.

– Барин застрелился, – только и смог сказать слуга.

Ефимыч отодвинул в сторону Сашку и, громяхая сапога-
ми по паркету, прошёл в спальню Горлова. Позади раздались
более осторожные шаги. Городовой, нёсший службу на ули-
це, прибежал вслед за дворником.

Горлов лежал на кровати и дышал, делая судорожные
вздохи.

Городовой подошёл ближе, поднял с полу летнее одеяло
и накрыл обнажённого капитана, потом, когда Сергей Льво-
вич в последний раз моргнул глазами и затих, снял фуражку,

перекрестился и тихо произнёс:

– Отошёл, – повернув голову в сторону дворника, шёпотом, словно боялся потревожить опочившего, произнёс, – беги, Ефимыч, к приставу, – и повысив голос добавил, – одна нога здесь...

Около шести часов утра прибыл врач Иванчевский, призванный приставом для подачи уже ненужной умершему помощи.

Капитан лежал на кровати навзничь, голова покоилась на подушке и была обращена лицом несколько к стене, правая рука, закинута за голову, упиралась локтем в стену, в этой руке Горлов держал большой охотничий нож в ножнах; левая рука вытянута вдоль туловища.

Склонившись над трупом и обращаясь ни к кому в конкретности, врач, поправляя на носу очки, сказал:

– Труп уже окоченел, – досадуя, что вызвали так поздно, может быть, и можно было спасти. – Придётся вести к нам, в анатомический.

– Отвезём, – мрачно сказал пристав, – только протокол составим.

Квартира капитана Горлова в пять комнат помещалась во втором этаже дома купца 1 гильдии Ивана Степановича Грачёва, который сам в нём не проживал, а сдавал в наём все три этажа. Пятью окнами выходила на Дровяную улицу, четырьмя же во двор, имела два выхода, один по чёрной лестнице, второй – парадный ближе к воротам.

Частный пристав прошёлся по квартире, состоящей из четырёх комнат, кухни, двух передних, но более уделил внимание тем, что выходили окнами во двор – спальне и кабинету, двери которых выходили в небольшой тёмный коридор.

– Так кто, говоришь, в квартире ночью находился? – Пристав строго посмотрел на Поплавского.

Сашка теперь стоял в рубаше, которую успел заменить и теребил край пояса.

– Так-с, как обычно-с.

– Ты из себя дурака не строй, – пристав хотел повесить голос, но сдержался, – на вопрос отвечай. И говори кто, где спал.

– Хозяин – в спальне-с, барышня, извините-с, с ним-с...

– Какая барышня?

– Серафима Петровна.

– Почему её нет?

– С рассветом уехали-с.

– Куда? – Удивился пристав, недоумевая, как дама посмела покинуть место преступления.

– Так на поезд-с, они-с к мамаше во Псков собрались.

– Кто ещё был в квартире?

– Вестовой Синеус.

– Где он спал?

– В кабинете.

– Почему его нет?

– Отослан по службе—с.

Пристав тяжело вздохнул. Все, кто в квартире ночевал в разъездах, остался только бестолковый слуга.

– Так, – произнёс пристав и поманил рукой околоточного надзирателя, – бери бумагу и пиши протокол осмотра квар-

тиры.

– Ваше благородие, – околоточный смотрел начастного умоляющими глазами, – господин капитан, Иван Петрович, вот у меня Иванов, так у того и почерк поразборчивей и пишет пошустрей.

– Зови Иванова, – процедил пристав. Смерть всегда приносит неприятности, надо исписать множество бумаг, прежде чем отправить дело в архивную часть, а если убийство, то вообще беда. Следствие, розыск, допросы свидетелей. Опять тяжело вздохнул. – Ну, где твой Иванов?

– Ваше благородие, – гаркнул полицейский, приложив руку к козырьку.

– Тише, – поморщился пристав.

– Ваше благородие, городской Иванов по вашему приказанию прибыл.

– Грамоте учён?

– Так точно.

– Бери прибор и пиши: протокол осмотра квартиры господина Горлова. Написал?

– Так точно.

– Далее. Квартира капитана Горлова помещается во втором этаже, четырьмя, нет пиши, пятью окнами выходит на улицу и, – частный прошел по коридору, – четырьмя на двор. Имеет два выхода: на чёрную лестницу, идущий во двор и парадный ближе к воротам, выходящую на Дровяную улицу.. Квартира состјит из четырёх комнат, кухни

и, – снова прошёлся по квартире и, вернувшись, продолжил, – двух передних. По очереди следуют парадная прихожая, кабинет, кухня, черная передняя в виде узкого коридора и спальня. Все комнаты имеют прямое сообщение между собою. Написал?

– Так точно, – полицейский после каждого к нему обращения вскакивал с места.

– Сиди, – милостиво разрешил пристав, – твоё дело писать.

Сам же подошёл к одной из передних, сощурил глаза и что—то высмотрел, наклонивши голову. Выпрямился и продолжил

– В черной передней усматривается на дверях, идущих в кухню и растворенных во внутрь этой передней, довольно заметная пометка тёмного цвета, похожая на кровь, шириной в человеческую ладонь, состоящая из двух частей: нижняя часть более бледная, а верхняя, – снова присмотрелся, немного подумал, пожевал губу и повторил, – с более ясным обозначением крови, обе части уже засохли и помещаются оне посредине от дверной рамы. Несколько ниже того пятна, на тех же дверях находится след брызг крови с засохшею внизу каплею чёрного цвета. Написал, чёрного цвета? Нет? Тогда вместо «чёрного цвета» напиши «капля крови». Пиши далее. Того же характера брызги крови усматриваются и в самом низу этих дверей, равно как и недалеко от этих дверей на полу усматривается несколько капель крови. Успе-

ваешь?

– Так точно.

– В спальне, с правой стороны от входа, стоит комод, на котором положено некоторое количество выстиранного белья, рядом с бельём шесть книг.

За комодом, в незначительном расстоянии от окна, небольшой шкаф, на нём часы жёлтого металла с такого же цвета цепочкой, табачница и пепельница светлого металла с недокуренной папироской, щипцы для ногтей и стакан, наполненный до до половины, – пристав понюхал стакан, скривил губы, – пиши, водой. Внутри шкапа за закрытою дверью находится ночной горшок, – частный взял с комода одно из полотенец, брезгливо поднял крышку ночного горшка, по спальне начал распространяться неприятный запах, быстро закрыл и бросил полотенце на стопку белья, – горшок, наполненный до половины мочой. Так далее. На подоконнике стоит графин неполный воды, а также, – пристав взял в руки книгу и открыл заглавный лист, – роман Чернышевского «Что делать». – Бросил на подоконник. —

Далее за шкапом помещается узкая, простая кровать, в углу же стоят несколько разного рода ружей, нет, пиши, штуцеров. В другом углу же стоит большой платяной шкаф, между ним и выходными дверями в спальню из передней находится стул, на котором висит летний китель. Такой же стул находится при кровати со стороны ног, на нём сложены синие брюки, тут же на полуботинки и носки. На расстоянии чет-

верти аршина на полу от изголовья кровати находится кинжал, остроконечный, с одной стороны заострённый, а с другой – широким лезвием около вершка и длиной же в клинке около пяти вершков с искривлённой рукояткой, вероятно, оленьего рога около трёх вершков. Одна сторона клинка замарана кровью от острия до места на вершок от рукоятки, на другой его стороне кровяные следы едва заметны и доходят до места гораздо ниже полу вершка. Успеваешь?

– Угу, ответил дописывавший слово полицейский, но потом спохватился, вскочил и отрапортовал, – так точно.

Пристав отвернулся и, склонив голову, продолжил диктовать:

– Кинжал лежит остриём к кровати, на некотором, нет, некотором вычеркни, пиши, на расстоянии полу, – прикинул на глаз, – полу аршина от него на полу у описанного выше шкапа лежит револьвер, – поднял с пола и посмотрел, – заряженный пятью зарядами, шестой заряд использован и содержит порожнюю гильзу в барабане, ствол, – частный пристав посмотрел и понюхал, – нет, отверстие и сам конец ствола закопчён пороховым дымом. Сам револьвер обращён ручкой к шкафу, а дулом к кровати. На рукояти усматриваются следы крови, – положил револьвер на место.

– Ваше благородие, – начал околоточный, но пристав зло на него взглянул.

– Пиши далее, На полу, между кинжалом и револьвером различимы, – пристав посчитал, – шесть капель свежей кро-

ви; капли эти между собою сучены, ещё не засохли и довольно обильны. В той же комнате, по направлении от кровати к дверям, которые находятся в передней, а затем к кухне, на полу усматривается около десятка капель крови, отстоящих одна от другой в расстоянии четверти аршина, капли эти несколько бледны, видимо, были притоптаны. Написал? Внизу «частный пристав Божоявленский». Молодец, — похвалил полицейского, — пишешь разборчиво. — Потом обратился к врачу. — Теперь, господин Иванчевский, дело за вами. Составляйте протокол осмотра тела. Вот этот молодец, — ткнул пальцем в городского, — хорошо пишет и почерк разборчивый, поэтому советую воспользоваться его помощью.

— Благодарю, Иван Петрович, благодарю, — произнёс в задумчивости и каком—то отрешённом состоянии.

— У вас сложилось мнение по этому делу? — Частный пристав смотрел на мертвеца, хотя и чувствовал позывы желудка выплеснуться наружу.

— Иван Петрович, пока не осмотрю, не сделаю вскрытия, о деле можете меня не спрашивать. Мне не нравится строить догадки, для меня важны только факты. Вот вы сейчас будете выискивать мотив, если имело место убийство, а я только опишу то, что вижу на теле.

— Оно так, но...

— Иван Петрович, позвольте мне приступить к детальному осмотру.

— Не смею мешать, — и пристав направился к слуге По-

плавскому, больно у того плутовской вид и очень уж бегающие глазки, то ли украл у хозяина что-то, то ли сам его к праотцам отправил. За спиною послышался голос врача, который монотонно диктовал то, что необходимо было запечатлеть в протоколе.

– Труп капитана Горлова лежит на узкой кровати на спине с несколько подавшимся справа налево, с вытянутыми вдоль ногами, из которых правая касается левой сверху. – Наклонился и потрогал ногу. – Стопа правой ноги запачкана кровью, левая же нога заложена между решетчатыми проволоками кровати. Так, успеваешь?

– Успеваю, городской позволил себе расслабиться. Всё-таки это доктор, а не пристав.

– Правая рука согнута в локте под прямым углом, причём локоть упирается в стенку. В окоченевшей кисти этой руки, несколько сжатой, находится рукоятка кинжала в ножнах, висящих на ремешке, – повторил, – ремешке, зацепившимся за крючок, выгнутый из проволок решётки изголовья кровати. На рукоятке кинжала видно пятно крови, напиши уточнение, едва заметное пятно крови. На другом крючке той же решётки у изголовья на ремешке, на белом ремешке висят ножны от другого кинжала, – поднял с пола кинжал, примерил и снова положил на место, – подходящие кинжалу, найденному на полу.

– Вижу, Сашка, – пристав заложил руки за спину, перева-

ливался с пятки на носок и обратно, смотрел таким грозным взглядом, что слуга не смел пошевелиться, – что неправду мне говоришь.

– Извиняюсь, ваше благородие, не понимаю ваших слов —с.

– Кажется, что это ты хозяина своего порешил.

– Ваше благородие, да разве ж я, – залепетал Поплавский и бухнулся на колени, – ваше благородие...

– Что благородие? Зачем утром во двор выходил? Не за дружками ли?

– Ваше благородие, ваше благородие, – повторял беспрестанно слуга, – я ж утром по нужде, меня вон две бабы, как их? Фу, ты чёрт, ну эти бабы-то видели.

– Ладно, по нужде. А чего долго дверь не открывал?

– Испугался я, когда выстрел грохнул, в спальню, а там барин в крови и глазом так зырк. Испугался я.

Врач Иванчевский продолжал осматривать убитого и диктовать городовому протокол:

– Левая рука тоже согнута в локте под прямым углом, кисть оной вытянутыми пальцами упирается в левое бедро. Локоть этой руки лежит на подушке, равно как и плечо, а также и часть поясницы. Рубашка подобрана до половины живота, воротник её расстёгнут, рукава застёгнуты на пуговицы. Край правого рукава слегка замаран кровью; левый же, начиная от плеча, по косому направлению к животу, пропи-

тан до того же локтя кровью, которая проходить за пределы локтя и покрывает рубашку кровью до самого обшлага рубашки.

Отошёл на шаг от кровати, посмотрел на зародившийся за окном день

– На чём я остановился?

– «покрывает рубашку кровью до самого обшлага рубашки», – прочитал полицейский.

– Хорошо, далее. Тело капитана Горлова, человека, имеющего на вид около тридцати лет, – повертел своей головой из стороны в сторону, да, тридцати лет, светловолосого, росту..э... выше среднего,, – откинул одеяло, которым накрыл полицейский тело, в сторону, – хорошего телосложения. Одето оно только в одну рубашку; – подозвал ещё одного полицейского, – помоги перевернуть, пиши, на левой ягодице и бедре кожа запачкана кровью. На правой ляжке видны пятна крови, размером более, нежели ладонь. Обе подушки с левой стороны сильно пропитаны кровью, которая находится также и на простыне, где лежит локоть, а также левая часть спины. Кровяное пятно находится в ногах с правой стороны, на расстоянии трёх вершков от спинки нижней части кровати и на вершок от стены. Пятно, почти круглое, находится в правом углу нижней части кровати, не касается тела капитана Горлова. – Осмотрел ладони капитана. – Ладонь правой кисти в крови, левая – чиста. Рубашка на левой части грудной клетки почти до живота, а также левое пле-

что, ниже локтя, сверху облито свежее кровью, На большой грудной мышце, а именно на наружной части, на расстоянии четырёх вершков от левого плеча, почти под мышкой, находится резанная рана в грудной полости.

– Испужался он, говори, когда барыня ушла?

– Я во двор вышел, а когда возвращался, она мне на лестнице встретилась.

– В каком виде она была?

– В самом обыкновенном.

– Я тебя, болван, спрашиваю, не заметил ли на одежде или руках крови? Бежала ли она? Испугавшись была? – Передразнил Сашку пристав.

– Ваше благородие, я ж доветру со сна пошёл, вот ничего и не заметил.

– С барыней в каких отношениях хозяин пребывал?

– В самых, что ни есть, интимных, – блеснул иностранным словом слуга.

– Болван, я тебя не о постельном спрашиваю, а о другом.

Ссорились они или душа в душу жили?

– Всяко бывало, – Поплавский почесал затылок.

– Ну, – поторапливал Сашку пристав.

– Не то, чтобы душа в душу. – сказал Сашка.

– Договаривай.

– Барыня, хотя и сожительствовала с Сергеем Львовичем, он имел перед нею обещание обвенчаться, вот иной раз и возникали ссоры у них.

– Значит, барыня не могла совершить насилие?
– Кто знает, что у бабы на уме, – уклончиво ответил слуга.
– Скажи, посторонний мог попасть в квартиру?
– Я дверь никому не открывал
– А Сергей Львович?
– Я не слышал.
– Всё—таки мог прокрасться в квартиру чужой?
– Видимо, мог.
– Иди, пока ты свободен, но подозрения с тебя я не снимаю.

– Значит, с составление протокола вы кончили? – Пристав вернулся в спальню.

– Да, – сжал губы Иванчевский.
– Могу прочесть.
– Извольте, – врач протянул исписанные листы частному, – вы же сами всё видите?
– Каждый из нас подмечает своё, – улыбнулся пристав и углубился в чтение с того места, когда вышел, не дослушав надиктованного врачом:

«На левом виске, на вершок от наружного края брови, находится круглое, покрытое запёкшеюся кровью, величиной в пять медных копеек пятно, в середине коего находится воронкообразное углубление, величиной в горошину, проникающее в мозговую полость. Вокруг этого углубления усматривается лучеобразно пороховой налёт, внедрившийся в ко-

жу, и местами видны черные точки зёрен пороха. Из этого углубления, по направлению к левому уху, полоса крови, смешанная с белым веществом, видимо, мозговым.

Ушная раковина наполнена кровью с мозговой жидкостью. Над среднюю часть брови, на расстоянии полу вершка, видна ссадина, величиной в гороховое зерно, пергаментного цвета, ссадина эта не проникает через весь покров кожи. Такая же ссадина, такого же цвета находится на наружном веке, длиной в одну четвертую вершка, глаза не повреждены».

– Вот видите, а я на подмеченное вами не обратил внимания.

– Иван Петрович, – к приставу подошёл помощник, держа в руках пистолет, – английской револьвер Бомона – Адамса, имеет слабый спуск, поэтому стрелять из него можно, как правой рукой, так и левой. На рукоятке бурые следы, я полагаю крови.

– Вы хотите сказать, что капитан Горлов мог покончить с собою?

– Вполне возможно.

– Но резанные раны?

– Иван Петрович, я высказываю мысль, что Горлов мог без посторонней помощи лишиться себя жизни.

– Что вы на это скажите? – Пристав обратился к Иванчевскому.

– Вести следствие по вашей части, помоей делать только

заклучение по тому, что обнаружу.

– Если без формальностей.

– Иван Петрович, по тем колотым ранам, что находятся на теле Горлова, я могу заключить, что имело место убийство. Не может человек так изогнуться, чтобы нанести себе такие раны, притом под прямым углом. Конечно, вскрытие добавит уверенности, но я и сейчас вижу – убийство.

– Могла ли женщина нанести кинжалом такие раны?

– Могла.

– Значит, барышню нельзя исключать из списка подозреваемых, – пристав посмотрел на убитого.

– Иван Петрович, – вмешался помощник, – простите, но выстрел раздался послу ухода барышни и вестового. Их мы можем исключить.

– Вы правы. Остаётся только Поплавский. Притом он сказал, что никто посторонний не мог проникнуть в квартиру.

– Если он виновен, то зачем это ему отрицать. Наоборот, он должен настаивать на том, что вор проник сюда и Горлов стал случайной жертвой.

– В ваших словах есть толика правды, но не думаю, что сей малый так сообразителен. Возьму-ка его под стражу, чтобы не сбежал.

– Ваше право, Иван Петрович, вы – пристав и карты вам в руки.

– Вот именно.

Врач Иванчевский начал проводить вскрытие ровно в полдень. Дотошно, не упуская ни одной детали, ни одного штришка, имеющего возможность прояснить дело убийства, теперь в этом был он полностью уверен.

После нескольких часов проведённых у тела Горлова, Иванчевский засел за стол для написания отчёта. Поставил перед собою пепельницу, положил сигаретницу, раскурил папироску, а уж после придвинул к себе лист бумаги и чернильный прибор. После написания обязательных формальных фраз врач приступил к самому протоколу:

«Труп лежит на спине с вытянутыми конечностями, причём левая рука несколько отведена наружу. Покойник крепкого сложения. Кожа на правой ступне и на подошве замарана кровью; на правой ляжке видно пятно крови несколько больше ладони; ладонь правой кисти помарана кровью; левая часть, грудной клетки в крови, которая истекала по направлению левой руки. Трупные пятна на спине и груди. Левая ушная раковина наполнена кровью с примесью мозговой жидкости.

В передней части левой подмышки, на наружном крае левой большой грудной мышцы, в 4 вершках от плеча, находится треугольной формы колотая рана, направляющаяся в грудную полость, Положение раны таково, что один угол находится внизу, а два другие лежат по бокам первого и несколько кверху от него, имеют направление параллельное рёбрам и длиной, в 1 вершок. Конечности находились

в состоянии неполного окоченения..

Кроме раны в грудь, находится рана на левом виске, на три четверти вершка. от наружного края брови круглое покрытое запёкшеюся кровью, величиной в 5 медных копеек, пятно, посредине коего находится воронкообразное углубление величиной с горошину, проникающее в черепную полость. Кругом углубления, как и самого пятна, виден пороховой налёт, лучеобразно внедрившийся в кожи, видны тёмные точки внедрившихся зёрен пороха. Из вышеописанного углубления, к левой ушной раковине идёт полоса крови, смешанная с мозговым веществом. Над среднюю часть брови, в полу вершке видна ссадина, величиной с гороховое зерно, пергаментного цвета, с незначительным углублением».

Иванчевский откинулся на спинку стула и зажёл спичку, прикуривая новую папироску, старая отдавала воздуху тоненький дымный след.

– Переходим к внутреннему описанию осмотра, – произнёс врач, но так и остался сидеть неподвижно, попыхивая папиросным дымом. Потом бросил окурочок в пепельницу, покачал головой и приступил к дальнейшему изложению.

«Полость головная.

По вскрытии кожи головы оказалось, что подчерепная кожа нормальна, наружных повреждений не имеет. Под оболочкой, в особенности с правой стороны, замечено кровоизлияние. В левой височной доле, соответственно отверстию

в черепе, имеется повреждение, наполненное кровью, осколками костей и волосами. Следуя за этим местом по направлению к верхушке правой части затылка, имеется канал, проходящий через все вещество мозга, под мягкой оболочкой правого полушария, найдена сплюснутая пуля, соответствующая калибру найденного на полу револьвера.

Полость грудная.

По вскрытии грудных покровов и большой грудной мышцы, с левой стороны обнаружена рана, идущая от вышеописанной наружной раны через толщу большой грудной мышцы, по направлению к 3-му межрёберному промежутку, где, у самого конца рёбер имеется проникающее отверстие в грудную полость, величиной в три четверти вершка; идёт параллельно рёбрам. По извлечении грудных органов оказалось, что рана идёт позади сердечной сумки, через одну из лёгочных вен и достигает передней поверхности грудной аорты, в которой имеется разрез в одну четвёртую вершка.

Органы брюшной полости, точно так же, как и органы полости таза и наружные половые, ничего ненормального не представили.»

Врач запечатал в конверт протокол и вызвал посыльного, чтобы отправить письмо частному приставу. Сам же задумался о бренности человеческой жизни. Вот ходишь, строишь планы на будущее, стремишься занять пост повыше, чтобы денег получать побольше. Ан нет, приходит кто-то и ножом под рёбра или пулю в лоб. И вся недолга.

Вот так и заканчивается человеческая жизнь на взлёте. Одна минута, да именно, одна минута и человека нет. Много ли надо времени, чтобы нанести смертельную рану. Полминуты? Минута? Это уже не важно.

Через того же посыльного частный пристав приглашал к себе, чтобы прояснить некоторые моменты дела. Иванчевский чуть, было, не выругался, но сдержался и поехал на улицу, где казённая палата снимала дом для части.

– Из протокола я вижу, что вы уверены в убийстве?

– Совершенно верно, капитана Горлова лишили жизни насильственным способом.

– Ошибки быть не может? Сперва, человек себя кинжалом, а потом из револьвера? – С надеждой в голосе спросил пристав.

– Исключено, я же в протоколе описал две раны, замечу, что они, обе, смертельные, вы же читали? – Врач сидел в на стуле, закинув нога на ногу и прикладываясь к папиросе, выдыхая ароматный дым, – хорошо, поясню вам, первая, колотая в передней части левой подмышки вторая – огнестрельная в левый висок.

– Очень плохо, – посетовал частный пристав.

– Что плохого?

– Нет, это я себе.

– Могу добавить, что колотая рана предшествовала огнестрельной и что промежуток времени между обоими ранами минуты.

– Минуты?

– Именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.